Дефо Даниэл

Правдивый рассказ о явлении призрака некоей миссис Вил

Правдивый рассказ о явлении призрака некоей миссис Вил

на следующий день после ее смерти

некоей миссис Баргрэйв в Кентербери 6 сентября 1705 года

Перевод С. Лихачевой

Этот памфлет, состоящий из заглавия, предисловия и девяти страниц текста, был впервые опубликован 5 июля 1706 г. и впоследствии воспроизводился во многих изданиях "Книги о смерти" Дрелинкура, труда, столь авторитетно рекомендованного в помянутом памфлете; однако история о том, что Дефо, якобы, написал памфлет по заказу, чтобы содействовать распродаже книги, была опровергнута Ли в его работе "Жизнь и вновь обнаруженные сочинения Даниэля Дефо". Полное название книги Дрелинкура, слегка искаженное Дефо, звучит следующим образом: "Защита христиан от страхов перед смертью, вместе с уместными наставлениями касательно того, как подготовить себя к достойной кончине. Написано на французском языке покойным священником протестантской церкви Парижа Ч. Дрелинкуром в 1635 г.".

Помимо этой книги, миссис Вил ссылается на "Практическое рассуждение о смерти" Уильяма Шерлока, доктора богословия, настоятеля Темпля и впоследствии декана собора святого Павла, 1689, и на сочинение "Блаженный аскет, или Наилучшее руководство..." К этому списку добавляется "Письмо к высокопоставленной особе касательно праведной жизни ранних христиан" Энтони Хорнека, доктора богословия, ординарного капеллана Их Величеств и проповедника в "Савое", 16...

Под "мистером Норрисом", чьим "превосходным сборником стихов" так восхищалась миссис Вил, имеется в виду преподобный Джон Норрис, магистр гуманитарных наук, ректор Бемертона близ Сарума и член совета колледжа Олл-Соулз в Оксфорде. Стихотворение "Дамон и Пифий, или Идеальная дружба" было опубликовано в его "Сборнике-альманахе" 1687 года; привидение ссылается на эти стихи потому, что обстоятельства его появления перед миссис Баргрейв, равно как и Цель, в точности соответствуют ситуации, описанной в поэме. Дамон и Пифий были "образчиками неизменной любви"; когда Дамон изъявляет опасение, что Смерть их разлучит, Пифий отвечает:

Нет, страх оставь; как ангел-утешитель

С тобой пребудет и по смерти друг.

Элизиум, блаженную обитель

Покину, чтоб с тобой делить досуг.

История миссис Вил долгое время воспринималась как одна из наиболее блестящих и смелых выдумок Дефо, но Г. А. Айткен (автор предисловия к одному из изданий Д. Дефо) доказал, что хотя "являлся ли призрак в самом деле, зависит... от правдивости миссис Баргрейв", однако "что до остального... практически все детали соответствуют истине, "...Дефо всего лишь мастерски пересказал историю с привидением, что в свое время наделала немало

шуму"; благодаря скрупулезным исследованиям автор доказал, что персонажи этого рассказа существовали на самом деле, и многих идентифицировал.

Предисловие

Этот рассказ представляет собою непреложный факт; и сопряженные с ним обстоятельства таковы, что ни один здравомыслящий человек не поставит историю под сомнение. Не кто иной как мировой судья Мейдстоуна, что в Кенте, джентльмен весьма просвещенный, прислал сию повесть (дословно здесь воспроизведенную) лондонскому своему другу; а истинность ее засвидетельствована дамой рассудительной и благонравной, родственницей помянутого джентльмена, коя проживает в Кентербери, по соседству от миссис Баргрэйв. Джентльмен же почитает свою родственницу особой весьма прозорливой, что сделаться жертвою заблуждения никак не может; она же решительно заверила его, что все события, изложенные и засвидетельствованные ниже, являются чистою правдой; и что сама она слышала о них ровно в тех же словах (или приблизительно в тех же) из уст самой миссис Баргрэйв; а, насколько ей известно, у миссис Баргрэйв нет ни малейшей причины выдумывать и публиковать сию историю, равно как и намерения измышлять и обнародовать заведомую ложь, ибо помянутая миссис Баргрэйв является дамой весьма добропорядочной и добродетельной, и вся ее жизнь отмечена благочестием, можно сказать, беспримерным. Польза же нам от этой истории в следующем: следует поразмыслить о том, что после этой жизни открывается жизнь иная, и Справедливый Господь воздаст каждому по делам его, совершенным здесь во плоти; и, следовательно, должно задуматься о том, какую жизнь вели мы до сих пор, и о том, что отпущенный нам срок краток и неопределен, и ежели хотим мы избежать кары, подобающей нечестивцам, и обрести награду, ожидающую праведников, то есть Жизнь Вечную, подобает нам уже сейчас обратиться к Господу посредством безотлагательного Раскаяния, и отвратиться от Зла, и научиться творить Добро; и стремиться к милости Господней сызмала, ежели по счастью дано нам снискать ее, и в будущем придерживаться такого образа жизни, что угоден в глазах Господа.

Случай этот и сопряженные с ним обстоятельства настолько необычны, и в то же время засвидетельствованы авторитетами столь непреложными, что ни из книг, ни из частных бесед не доводилось мне почерпнуть ничего подобного; рассказ удовлетворит судью самого придирчивого и пристрастного. Миссис Баргрэйв - та, кому миссис Вил явилась после смерти; она - близкая моя подруга, и я готова поручиться за ее доброе имя, ибо знаю ее лично на протяжении последних пятнадцати или шестнадцати лет; и могу подтвердить, что с самых юных лет и вплоть до нашего знакомства репутация ее оставалась безупречной. Однако со времен помянутого происшествия на миссис Баргрэйв обрушились клеветники, все - из числа друзей брата покойной миссис Вил; они полагают, что рассказ о появлении призрака - вымысел, и не более, и изо всех сил тщатся очернить доброе имя миссис Баргрэйв и высмеять всю историю от первого слова и до последнего, дабы о ней и не вспоминали более. Однако противу того свидетельствуют сопутствующие обстоятельства и неизменное благодушие миссис Баргрэйв: невзирая на неслыханно дурное обращение скверного мужа, в лице ее не читается ни малейшего следа уныния; никогда я не слышала, чтобы она жаловалась или впадала в отчаяние; нет, даже страдая от варварской жестокости своего мужа, свидетельницей которой бывала как я, так и другие достойные доверия лица.

Теперь вам следует узнать, что миссис Вил была незамужней дамой в возрасте около тридцати годов, и на протяжении нескольких последних лет страдала припадками; о приближении их можно было догадаться по тому, что она вдруг резко меняла тему разговора и начинала нести сущую несуразицу. Жила она на средства единственного брата в городе Дувре и вела его хозяйство. Была она женщиной весьма богобоязненной, а брат ее, по всей видимости, отличался поведением трезвым и рассудительным. Однако ныне он изо всех сил тщится опровергнуть или оспорить помянутый рассказ. С самого детства миссис Вил и миссис Баргрэйв связывала нежная дружба. В ту пору миссис Вил жила в обстоятельствах весьма

стесненных; отец ее не заботился о детях так, как должно, так что трудно им приходилось. А миссис Баргрэйв в ту пору жила под опекой отца столь же жестокосердного, хотя недостатка не испытывала ни в пище, ни в одежде, в то время как миссис Вил нуждалась и в том, и в другом; так что миссис Баргрэйв не раз и не два имела возможность выказать ей свое дружеское участие, что весьма трогало миссис Вил; настолько, что та нередко повторяла: "Миссис Баргрэйв, вы - не только лучший, но и единственный друг, что только есть у меня в целом мире; и никакие жизненные обстоятельства не в силах охладить эту дружбу". Часто сочувствовали они друг другу в несчастии, часто читали вместе "Рассуждения Дрелинкура о смерти" и другие нравоучительные книги; и так, как две подруги-христианки, утешали друг друга в скорби.

По прошествии некоторого времени друзья мистера Вила помогли ему получить место на таможне города Дувра, в связи с чем миссис Вил мало-помалу отдалилась от миссис Баргрэйв, хотя до ссоры дело не дошло; но постепенно былая привязанность сменилась безразличием, так что под конец миссис Баргрэйв не виделась с подругой в течение двух с половиною лет; хотя нужно добавить, что на протяжении двенадцати месяцев этого срока миссис Баргрэйв находилась вдали от Дувра и за последние полгода около двух месяцев прожила в Кентербери, в собственном доме.

В этом-то доме, утром восьмого сентября прошлого года, то есть в 1705 году, миссис Баргрэйв сидела в одиночестве, размышляя над своей несчастной жизнью и убеждая себя принимать с подобающим смирением все, что уготовило ей Провидение, хотя положение ее и впрямь было не из лучших. И говорила она так: "Доселе я была всем обеспечена, и, без сомнения, так оно и пребудет впредь, и ныне удовлетворюсь я тем, что горести мои закончатся, когда придет срок". Тут взяла она в руки шитье, и в следующее же мгновение услышала стук в дверь; и отправилась посмотреть, кто там, и оказалось, что это миссис Вил, старинная ее подруга, в костюме для верховой езды; и в это самое мгновение часы пробили полдень.

- Мадам, - сказала миссис Баргрэйв, - удивляюсь я вашему приходу, ибо вы столь долго оставались для меня чужой, - однако же добавила, что рада ее видеть, и собралась было поцеловать подругу в знак приветствия, и миссис Вил не возражала, когда же губы их почти соприкоснулись, миссис Вил провела рукою по глазам и молвила: "Мне нездоровится", и отстранилась. Гостья сообщила миссис Баргрэйв, что отправляется в путешествие и вознамерилась сперва повидаться с нею.

- Но, - отозвалась миссис Баргрэйв, - как так случилось, что вы выехали в путь одна? Я изумлена: ведь у вас такой заботливый брат!

- О! - сказала миссис Вил. - Я улизнула от брата, и уехала одна, потому что уж очень хотелось мне повидаться с вами прежде, чем отправлюсь я в путешествие.

И вот миссис Баргрэйв вошла в дом вместе с гостьей и проследовала во внутренние покои, и миссис Вил расположилась в кресле с подлокотниками, в котором сидела миссис Баргрэйв, когда услышала стук в дверь. Тут сказала миссис Вил:

- Дорогая подруга, я пришла возобновить нашу прежнюю дружбу и просить у вас прошения за то, что по моей вине между нами произошла размолвка; и если вы сможете простить меня, вы - лучшая из женщин.

- О! - возразила миссис Баргрэйв, - даже не говорите о таких пустяках, я не злопамятна, и охотно вас прощаю.

- И что же вы обо мне думали? - молвила миссис Вил.

- Я думала, что вы - такая же, как и все в этом мире: благоденствие заставило вас позабыть и себя, и меня, - ответствовала миссис Баргрэйв.

Тут миссис Вил напомнила миссис Баргрэйв о бесчисленных дружеских услугах, что та оказала ей в былые дни, и о беседах, что вели они в пору невзгод; какие книги они читали и в особенности какое утешение обретали в "Книге о смерти" Дрелинкура, каковую миссис Вил

назвала лучшей из когда-либо написанных на эту тему. Гостья помянула также труд доктора Шерлока, и две книги, переведенные с голландского и посвященные смерти, и еще несколько; однако именно Дрелинкур (уверяла она) наиболее верно представляет себе смерть и загробное будущее из всех авторов, что обращались когда-либо к этой теме.

Затем спросила она миссис Баргрэйв, нет ли у нее в доме книги Дрелинкура; и та ответила, что есть. Тут миссис Вил говорит: "Принесите"; и миссис Баргрэйв отправляется наверх и приносит требуемое. И молвит миссис Вил: "Дорогая миссис Баргрэйв, кабы глаза веры нашей оставались бы открытыми, как и телесные очи, мы бы увидели вокруг себя без числа ангелов-хранителей; наши нынешние представления о Небесах совершенно не соответствуют истине, как уверяет Дрелинкур. Потому утешьтесь в вашем горе и поверьте, что Всевышний возлюбил вас превыше прочих; и что страдания ваши знак милости Господней; когда же помянутые бедствия способствуют осуществлению всего того, ради чего насланы, вас от них избавят. И поверьте, дорогая подруга, поверьте тому, что я говорю: одна минута грядущего счастья с лихвой вознаградит вас за все перенесенные страдания. Ибо не могу я помыслить (тут гостья ударила ладонью по колену для пущей важности, каковая, впрочем, отличала всю ее речь от первого слова и до последнего), что Господь заставил бы вас провести дни вашей жизни в горестях и печалях. Но будьте уверены: горести ваши вскорости непременно вас оставят, либо вы - их". И говорила гостья столь прочувствованно и с такой набожностью, что миссис Баргрэйв несколько раз разражалась слезами, настолько растрогала ее речь подруги. Затем миссис Вил помянула труд доктора Хорнека "О воздержании", в конце коего он повествует о жизни ранних христиан.

Их пример, по словам миссис Вил, должен бы служить нам образчиком для подражания; и еще прибавила она, что их беседы - не то, что нынешние разговоры. Ибо в наш век (сказала она) в моде лишь пустые, суетные разглагольствования, в то время как встарь слово служило назиданием и наставлением, и способствовало укреплению в Вере; так что ранние христиане были не таковы как мы, и мы не таковы, как они, однако же (говорила гостья) нам следует поступать так, как поступали они. Среди них царила сердечная дружба, но теперь где ее найдешь?

- И в самом деле, трудно найти в наши дни истинного друга, согласилась миссис Баргрэйв.

На это миссис Вил ответствовала:

- У мистера Норриса есть превосходный сборник стихов под названием "Идеальная дружба", коим я от души восхищаюсь; может, и вы эту книгу видели?

- Нет, - отвечала миссис Баргрэйв, - но у меня есть стихи, мною набело переписанные.

- В самом деле? - отозвалась миссис Вил. - Так принесите же их. Хозяйка снова сходила наверх и вручила миссис Вил альбом со стихами, дабы та их прочла, но гостья отказалась, говоря:

- Если я наклоню голову, она разболится невыносимо, - и попросила миссис Баргрэйв зачитать ей стихи вслух; так та и поступила. Пока они восхваляли дружбу, миссис Вил сказала:

- Дорогая миссис Баргрэйв, я буду любить вас вечно.

В стихах дважды упоминалось слово Элизиум.

- Ах, - заметила миссис Вил, - как только эти поэты не называют Небеса! - При этом гостья часто проводила рукою по глазам, и, наконец, спросила: Ответьте, миссис Баргрэйв, не кажется ли вам, что припадки мои сильно на мне сказались?

- Нет, - отозвалась миссис Баргрэйв, - кажется мне, что вы выглядите не хуже, чем всегда.

После всех этих речей, - а Привидение изъяснялось слогом гораздо более возвышенным, нежели в состоянии была воспроизвести миссис Баргрэйв, и наговорило куда больше, нежели миссис Баргрэйв сумела запомнить (ведь нельзя ожидать, чтобы полуторачасовая беседа сохранилась в памяти полностью, хотя миссис Баргрэйв считает, что основное содержание

передала точно), - миссис Вил попросила подругу написать письмо к ее брату, мистеру Вилу, с наказом от нее подарить кольца таким-то и таким-то людям; и еще упомянуть, что в ее шифоньере хранится кошелек с золотом, и ей хотелось бы, чтобы две золотые монеты в двадцать шиллингов достались ее кузену Уотсону.

Гостья говорила сбивчиво, и миссис Баргрэйв подумала было, что сейчас с ней случится припадок, так что сама уселась в кресло напротив подруги, чтобы подхватить ее и не дать ей рухнуть на пол, если приступ и впрямь случится; потому что кресло с подлокотниками не позволит ей упасть ни вправо, ни влево. И, думая отвлечь миссис Вил, хозяйка несколько раз бралась за рукав ее платья и хвалила ткань. Миссис Вил сообщила, что это особым способом обезжиренный шелк, заною перелицованный. Но при всем при том миссис Вил продолжала настаивать на своей просьбе, и говорила миссис Баргрэйв, что отказа не потерпит; и еще велела при первой же возможности пересказать брату весь их разговор.

- Дорогая миссис Вил, - уговаривала миссис Баргрэйв, - что за нелепость; просто и не знаю, как можно на такое согласиться; и ведь как огорчит наш разговор молодого джентльмена!

- Право же, не отказывайте мне! - настаивала миссис Вил.

- Почему бы Вам в таком случае не написать самой? - предложила миссис Баргрэйв.

- Нет, - возразила миссис Вил, - хотя сейчас просьба моя кажется вам нелепой, позже вы поймете, что у меня были причины так поступать.

Тогда миссис Баргрэйв, уступая настойчивости подруги, пошла было за пером и чернилами, но миссис Вил сказала:

- Оставьте, не сейчас; сделайте это, когда я уйду, но только непременно сделайте! - и при расставании напомнила о том еще раз, так что миссис Баргрэйв пообещала все исполнить.

Затем миссис Вил осведомилась о дочери миссис Баргрэйв; та сказала, что дочери дома нет, но ежели гостья желает повидать ее, она за ней пошлет.

- Пошлите, - попросила миссис Вил.

На этом хозяйка ее оставила и пошла к соседям, дабы послать кого-нибудь за дочерью; когда же миссис Баргрэйв вернулась, миссис Вил вышла за двери и на улицу, откуда по субботам открывался вид на ярмарку скота (а суббота считалась ярмарочным днем), и стояла там, готовая отбыть, как только воротится миссис Баргрэйв. Та спросила, отчего гостья так торопится, и миссис Вил ответствовала, что ей пора, хотя, может статься, в путешествие она не пустится раньше понедельника. К этому миссис Вил прибавила, что надеется снова увидеться с миссис Баргрэйв в доме у кузена Уотсона, прежде чем отправится туда, куда лег ее путь. Затем сказала, что не прощается, и зашагала прочь от миссис Баргрэйв, и вскорости скрылась за поворотом; а времени было без пятнадцати два пополудни.

Миссис Вил умерла от очередного приступа 7 сентября ровно в полдень, и за четыре часа до смерти лишилась чувств, вскорости после того, как причастилась Святых Даров. На следующий день после появления миссис Вил (а это было воскресенье), миссис Баргрэйв слегла от простуды, с больным горлом, так что волей-неволей оставалась дома, однако в понедельник послала к капитану Уотсону узнать, не там ли миссис Вил. Домочадцы капитана весьма подивились расспросам миссис Баргрэйв и послали ей сказать, что миссис Вил у них нет и не ожидается. При этом известии миссис Баргрэйв объявила горничной, что та, верно, перепутала имя или еще в чем ошиблась. И, еще не вовсе оправившись от простуды, миссис Баргрэйв надела капор и собственной персоной отправилась к капитану Уотсону, хотя никого из семьи не знала, дабы удостовериться, там миссис Вил или нет.

Домашние капитана сказали, что расспросы их весьма удивляют, потому что миссис Вил в городе нет; они в том уверены, потому что в противном случае она бы остановилась у них. Тут миссис Баргрэйв сказала: "Нет никаких сомнений в том, что миссис Вил пробыла у меня в

субботу около двух часов". Ее заверили, что это невозможно, иначе бы она непременно к ним зашла. Пока они спорили, вошел капитан Уотсон и сообщил, что миссис Вил умерла и для нее уже заказана мемориальная плита с гербом. Это изрядно удивило миссис Баргрэйв; она немедленно отправилась к мастеру, исполняющему заказ, и убедилась, что это чистая правда. Затем она пересказала всю историю семье капитана Уотсона, и описала, какое платье было на гостье, и как отделано. Помянула и о том, что, по словам миссис Вил, шелк был особым образом обезжирен. Тут миссис Уотсон воскликнула: "Вы и в самом деле ее видели, потому что никто, кроме миссис Вил и меня, не знал, что шелк обезжирен"; и миссис Уотсон признала, что описание платья полностью соответствует действительности; и добавила, что сама помогала его шить.

Об этом миссис Уотсон раззвонила по всему городу, свидетельствуя в пользу того, что миссис Баргрэйв и впрямь видела призрак миссис Вил. А капитан Уотсон немедленно привел двух джентльменов в дом к миссис Баргрэйв, дабы те выслушали рассказ из ее собственных уст. А затем молва распространилась столь стремительно, что джентльмены и знать, люди здравомыслящие и скептически настроенные, толпами осаждали ее, и, наконец, это сделалось столь обременительным, что миссис Баргрэйв пришлось волей-неволей удалиться от общества. По большей части любопытствующие вполне убеждались в истинности всего рассказа; и со всей очевидностью удостоверившись, что миссис Баргрэйв нимало не страдает ипохондрией: она всегда появлялась с видом столь благожелательным и с выражением лица столь приятственным, что завоевала расположение и уважение всего дворянства. И за великую честь почиталось выслушать рассказ непосредственно из ее уст. Мне следовало сообщить вам прежде, что миссис Вил говорила миссис Баргрэйв, будто ее сестра с мужем только что приехали из Лондона с ней повидаться. А миссис Баргрэйв спросила:

- Как же так, отчего вы столь неразумно распорядились насчет своих дел?

- Ничего тут не поделаешь, - отвечала миссис Вил; и ее сестра и шурин в самом деле приехали повидать ее, и прибыли в город Дувр как раз тогда, когда миссис Вил испустила последний вздох. А еще миссис Баргрэйв спросила гостью, не выпьет ли она чаю. На что миссис Вил ответствовала:

- Не возражаю; но держу пари, что этот одержимый (разумея супруга миссис Баргрэйв) перебил все ваши сервизы.

- Как бы то ни было, - заверила миссис Баргрэйв, - какие никакие чашки я отыщу; - но миссис Вил отмахнулась и сказала:

- Это неважно, оставьте; - на том дело и кончилось.

За то время, что я провела в гостях у миссис Баргрэйв (а визит мой длился несколько часов), она вспоминала все новые высказывания миссис Вил. И еше об одной важной подробности упомянула гостья миссис Баргрэйв: старый мистер Бретон выделил миссис Вил десять фунтов в год, а эти сведения хранились в тайне, и миссис Баргрэйв о том не знала, пока не услышала от миссис Вил. Миссис Баргрэйв всегда пересказывает свою историю приблизительно в одних и тех же словах, нимало не отклоняясь, что изрядно озадачивает тех, кто ставит рассказ под сомнение и не желает ему верить. Служанка в соседнем дворе, примыкающем к дому миссис Баргрэйв, слышала, как та с кем-то беседовала в то самое время, когда с ней была миссис Вил. А едва расставшись с миссис Вил, миссис Баргрэйв поспешила к своим ближайшим соседям, сообщая, сколь отрадную беседу имела она только что со старинной подругой, и пересказала все в деталях. Со времен помянутого происшествия "Книга о смерти" Дрелинкура раскупается нарасхват. И надо заметить, что невзирая на все хлопоты и беспокойство, выпавшие на долю миссис Баргрэйв в связи с помянутым событием, она не обогатилась ни на фартинг, и дочери своей не позволяла принимать подношения от кого бы то ни было, так что ни малейшей выгоды распространение слухов ей принести не могло.

Однако мистер Вил делает все возможное, чтобы замять всю эту историю; он объявил, что непременно повидается с миссис Баргрэйв; тем не менее догюдлинно известно, что со времен смерти сестры он побывал у капитана Уотсона, но к миссис Баргрэйв так и не зашел; и кое-кто из его друзей называет миссис Баргрэйв лгуньей и уверяет, что она, якобы, знала о десяти фунтах в год, выплачиваемых мистером Бретоном. Но человек, утверждающий это, сам пользуется славой бессовестного лжеца среди людей, репутация которых, по моим сведениям, безупречна. Сам же мистер Вил, как истинный джентльмен, не может обвинить даму во лжи; однако он предполагает, что от дурного обращения мужа бедняжка повредилась в уме. Но достаточно один раз повидаться с миссис Баргрэйв, чтобы убедиться в несостоятельности этого довода. Мистер Вил утверждает, что спрашивал сестру, лежащую на смертном одре, не хочет ли она распорядиться чем-либо из принадлежащих ей вещей, и она отвечала, что нет. А те предметы, которыми пожелал распорядиться призрак миссис Вил - сущие пустяки, и ни малейшей ценности не представляют; так что пожелание это, как кажется мне, высказано было только затем, чтобы миссис Баргрэйв смогла подтвердить истинность происшедшего и убедить мир в том, что все увиденное и услышанное ею - чистая правда; и упрочить свою репутацию среди людей рассудительных и понимающих. И еще: миссис Вил помянула о кошельке с золотом; но его нашли вовсе не в шифоньере, а в коробке с гребнями. Это представляется мне неправдоподобным, поскольку миссис Уотсон признает, что миссис Вил никогда не расставалась с ключом от шифоньера и никому его не доверяла. А ежели так, то и золота бы доставать оттуда не стала. И еще: миссис Вил часто проводила рукою по глазам и спрашивала миссис Баргрэйв, не сказались ли на ней припадки; сдается мне, она делала это нарочно, чтобы напомнить миссис Баргрэйв о своих приступах и подготовить к тому, чтобы не слишком удивлялась она просьбе написать брату касательно того, как распорядиться кольцами и золотом; ибо просьба эта весьма походила на последнюю волю умирающего; а так миссис Баргрэйв связала эти слова с близящимся припадком; в том вижу я одно из многих проявлений искренней любви миссис Вил к подруге и заботы о том, чтобы та не испугалась: воистину забота эта видна во всем; особенно же в том, что миссис Вил пришла днем, постаравшись застать подругу наедине, и уклонилась от поцелуя; и уходя, сделала так, чтобы прощального поцелуя избежать тоже.

А с какой стати мистер Вил почитает рассказ этот выдумкой (как явствует из его попыток замять историю), я понять не могу; потому что большинство склонны счесть привидение добрым духом, настолько благочестивы были его речи. А миссия привидения заключалась в следующем: во-первых, утешить миссис Баргрэйв в ее горестях и попросить прощения за размолвку, и, во-вторых, ободрить ее набожными наставлениями. Так что, в конце концов, трудно предположить, что миссис Баргрэйв сумела бы измыслить подобную басню в период между двенадцатью часами в пятницу и двенадцатью часами в субботу (допуская, что она узнала о смерти миссис Вил в первое же мгновение), не извратив событий и не преследуя при этом никакого личного интереса; для этого она должна бы отличаться куда большей изобретательностью, удачливостью и порочностью, нежели приписал бы ей любой беспристрастный свидетель, смею заметить. Я несколько раз спрашивала миссис Баргрэйв, в самом ли деле она щупала платье. Она скромно отвечала: "Если на чувства мои можно положиться, я в том уверена". Я спрашивала, слышала ли она звук, когда гостья ударила по колену ладонью; она ответила, что не помнит. И еще она добавила, что гостья казалась созданием из плоти и крови, как, скажем, я. "Я - говорила миссис Баргрэйв, - скорее поверю, что ваш призрак беседует со мною сейчас, нежели соглашусь с тем, что я ее не видела; потому что ни малейшего страха я не испытывала, и приняла ее по-дружески, и по-дружески с ней рассталась. Я (продолжала она) не дам и фартинга, чтобы заставить кого-то поверить в мой рассказ; выгоды мне в том нет ни малейшей; напротив, вот уже долгое время вся эта история не приносит мне ничего, кроме напастей; и если бы о происшедшем не стало известно в силу случайности, никогда бы я не стала предавать его огласке". Теперь же, добавила миссис

Баргрэйв, она не намерена больше ни с кем делиться воспоминаниями о случившемся и будет вести образ жизни как можно более уединенный. Именно так с тех самых пор она и поступала. И еще миссис Баргрэйв говорит, что однажды некий джентльмен проделал путь в тридцать миль для того только, чтобы выслушать ее историю; и каждый раз она рассказывала о происшедшем перед полной комнатой народу. И несколько джентльменов могут похвалиться тем, что слышали повесть из уст самой миссис Баргрэйв.

Все это произвело на меня глубочайшее впечатление, и я столь же убеждена в истинности всего происшедшего, как если бы речь шла о самом непреложном факте. И не могу понять, с какой стати нам ставить под сомнение непреложный факт потому только, что нам не под силу постичь явления, лишенные внешних проявлений или однозначного толкования; авторитет миссис Баргрэйв, равно как и ее искренность, послужили бы достаточным основанием в любом другом случае.

Конец
